5-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 8

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ФЕВРАЛЬ МОСКВА, Солянка, 12, Дворец Труда. ◆ Телефон редакции и конторы: 5-08-17. 1927 ГОД

„ЭКСТРЕННО ТРЕБУЕТСЯ НЕДОРОГОЙ МАЛОДЕРЖАННЫЙ КОРОЛЬ“

В поисках короля венгерский диктатор Хорти пригласил в Будапешт баварского экс-короля Рупрехта, чтобы договориться с ним о династических делах.

Из газет.

Рис. А. Радакова

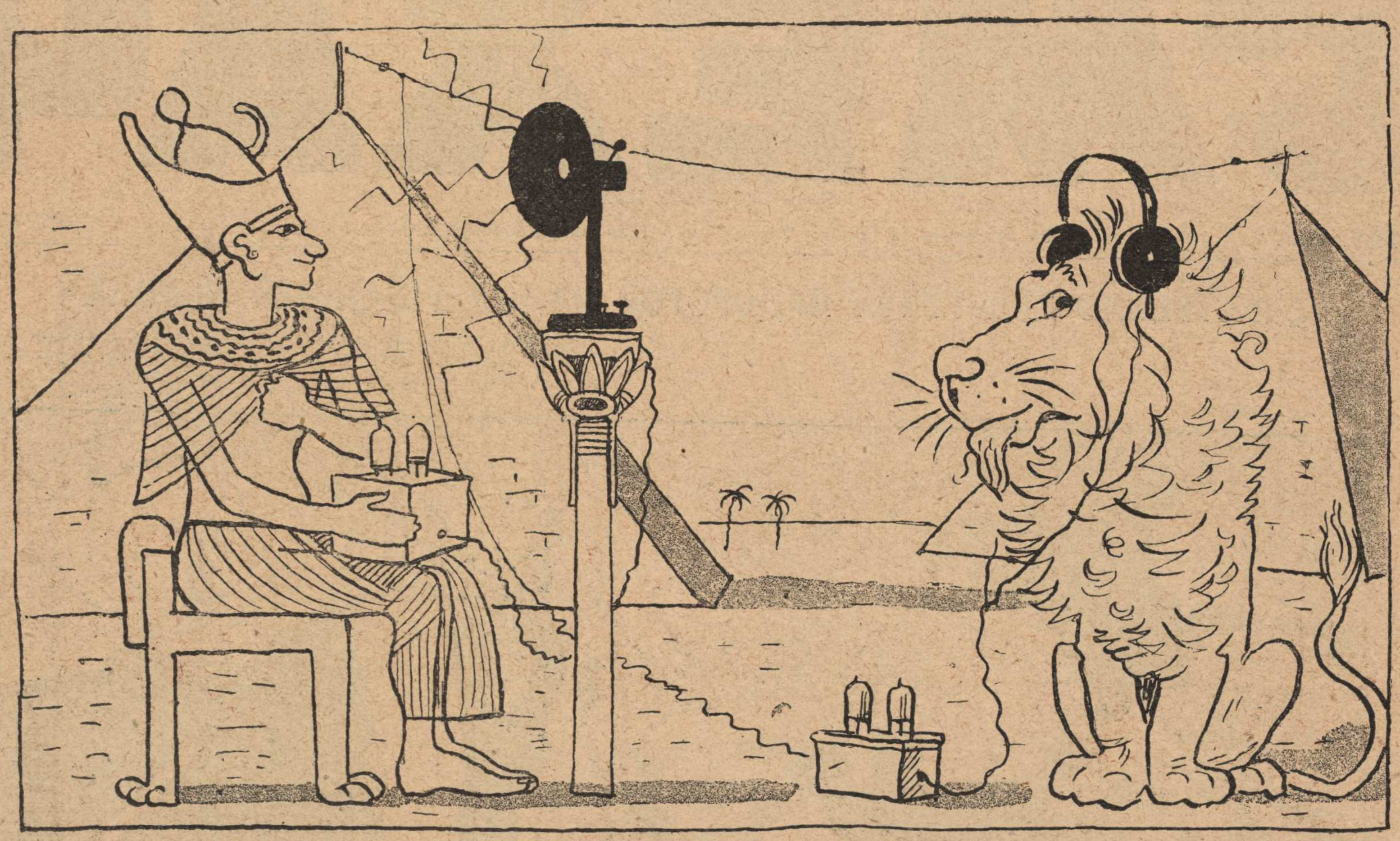

ЭКС-КОРОЛЬ РУПРЕХТ:—Хорошо, я согласен принять высокий пост палача, но вот мои условия: мыло и веревка—мои, революционеры ваши!

В ЧУЖОЙ ШКУРЕ

Рис. Н. Радлова

На пирамиде Фараона Хеопса в Египте установлена радиостанция.
Из газет.

ФАРАОН: — Послушайте, вы, радио-лев! А разрешение у вас имеется?
ЛЕВ: — Разве вы не видите, что я не радио-лев, а — радио-заяц?

ИСТОРИЯ С ЛИФТОМ

Злые языки говорят, что, дескать, был режим экономии, да вышел; что будто в первые дни за проведение режима взялись горячо, а теперь уже и забыли.

Нет, это не так. Режим экономии не забыт. Режим экономии „неуклонительно проводится в жизнь“:

Завы и начальники на местах только о нем и думают.

За примерами нам не надо далеко итти. Пойдемте, хотя бы в Наркомюст УССР.

Вот это что? Видите? Вот это лифт. Такая машина, на которой очень легко и быстро можно подняться на любой этаж и даже опуститься вниз.

О пользе лифта говорить не приходится. Кстати о ней очень хорошо сказано в приказе по Наркомюсту УССР, № 270 от 20 октября 26 года:

> „Разумеется, работники, страдающие болезнью груди или сердца, лучше могут работать, если они пользуются лифтом; лифт дает возможность таким больным приступать к работе тотчас после того, как они пришли в наркомат“.

Но так рассуждать может только человек, забывший о самом главном,—о режиме экономии. Поддаться таким доводам о целесообразности пользования лифтом могут только самые недальновидные наивные умы.

О, наивные! о, недальновидные! Слушайте, что дальше говорится в том же приказе:

> ... „Однако же, каждый под'ем лифта обходится больше 2 копеек, так что на месяц обходится наркомату (если принять во внимание, что лифтом пользуется 100 человек)—более 25 рублей, а на год от 300 до 400 рублей“.

Возьмите карандаш, возьмите бумагу. Считайте скорей дальше.

На 10 лет — 4.000 рублей.
На 100 лет — 40.000 рублей.

На тысячу лет... сколько же будет стоить лифт наркомату в течение тысячи лет? Тут можно благим матом заорать от ужаса.

„А посему и принимая во внимание“—вывод ясен:

> ... „От этой затраты (сообщает приказ) можно отказаться. Она не является безусловно потребною, поэтому приказываю лифт закрыть“.

Теперь вам ясно, почему лифт в Наркомюсте УССР не действует. Но режим экономии не ждет. Он гвоздем сидит в затылке. Что бы еще такое придумать?

Думайте, товарищи! Все думайте! Одна голова с гвоздем хороша, а сто—еще лучше.

Тот же приказ говорит:

> „Предписывается всем работникам НКЮ, всем заведующим подотделами и отделами—выявить, в чем можно провести экономию Свои соображения внести Зав. Адм. Фин. Отделом“.

Точка. Подписи.

И теперь все думают, выявляют, соображают.

Ходят из отдела в отдел, поднимаются из этажа в этаж пешком (ибо лифт уже „выявлен и увязан“). Встречаются на лестницах и—друг к другу с вопросом:

— Ну, как? Выявили, Петр Петрович?

— Выявил. В уборной можно экономить на воде. Воды много спускаем. Каждый визит в уборную обходится наркомату, примерно, $^1/_4$ копейки. В месяц это составит, на сто человек, больше семи рублей. В год, стало-быть, 84 рубля, в десять лет 840, в сто—8.400. Подумайте,— восемь тысяч пускаем в фановую трубу! Обязательно закрыть все уборные!

— Однако же, Иван Иваныч, как же быть в смысле долга природе?

— В соседний домик можно сбегать или можно в дежурном автомобиле развозить желающих по своим домам, в случае неизбежной и заверенной завотделами естественной надобности... Я представлю на этот счет детально разработанный план.

Ходят, приглядываются, выявляют.

— Гм!.. Лестницы... Семен Семеныч! Помните вы ступеньки собора? Они совершенно стерты тысячами ног. Это самое грозит и нашим лестницам. Каждый день вверх и вниз ходит минимум сто человек. У каждого человека две ноги. Каждой ногой он торкает по камню... Что же будет через пять тысяч лет? Откуда мы возьмем кредиты на ремонт?

— Ваш вывод отсюда? Закрыть лестницы?

— Ах! Это было бы идеально, но мне несколько неясно, как в этом случае попадать наверх. Боюсь, что это технически невыполнимо. Поэтому я предлагаю компромисс, который позволит продлить срок службы лестниц ровно вдвое.

— Каким же образом?

— Мы обяжем всех служащих и посетителей подниматься и опускаться по лестницам на одной ноге.

Ив. Прутков

ПРЕВРАЩЕНИЕ ОТЦА ПАВСИКАКИЯ

На епархиальном с'езде в Туле высказано пожелание, чтобы священно-служители в целях противодействия безбожникам изучали марксизм.

Из хроники.

Ветер раскидывал облачки - маки,
Сердце смиреньем закат напитал...
Тихую свечку зажег Павсикакий,
Перекрестился и взял „Капитал“.

Долго густыми морщинами двигал,
Дул на очки, надевал и кидал:
— Вот уж так книжица! Кит, а не книга!
Лезу Ионой во чрево кита!..

Тяжко мне, господи, старой калоше,
Недосягаема трудная цель...—
(В этот же час с комсомольцем Алешей
Варя, поповна, сидит на крыльце...)

Учится попик. Набрякли морщины.
Прет из ушей колокольный трезвон...
Ждут на венчание. Ждут на крестины.
На погребение...
— Некогда! Вон!

Мучился попик...
И вечером сизым
Двинул к Алеше, тетрадь зацепя:
— Слышь, занимайся со мной по марксизму —
Дочку, поповну, отдам за тебя!

Вьются над книжкой табачные кольца,
Взялся Алеша, крепясь, за попа.
Даже активнейшие комсомольцы
Знают, что часто любовь слепа!

Кто же господни пути нам укажет?
Батя в развитии сделал прыжок:
В клубном спектакле участвовал даже
И записался в футбольный кружок.

Занят гимнастикой, вставши до света,
И, говорят, до того докатил,
Что Ярославскому многие лета
Как-то под праздничек провозгласил!

Зубило

РЕБЯТИШКИ

Старшие уехали в Китай. Осталась дома одна детвора: Польша, Румыния, Латвия, Литва, Эстония и т. д.

Играют в солдатики. Формируют армии. Передвигают дивизии. Передвигают корпуса. Солдатики не оловянные, а живые, и они думают:

— Передвигай, передвигай, а там видно будет! Так тебя двинем...

Не играет только одна Литва. У нее, бедной, переэкзаменовка по географии, и она со слезами на глазах зубрит:

— Вильна—главный город Литвы, принадлежит Польше. Литва—главный город..

— Дяденька,—обращается она к Пилсудскому,—чей главный город Литва?

Пилсудский занят и встревожен. Армия, которую он бросил к границам СССР, прилипла к границе и назад не идет. Пилсудский зовет ее,—она смеется и как-то загадочно бросает в ответ:

— Не плачь, пан, вернемся! Вместе вернемся...

— С кем вместе?

— Много, пан, будешь знать, состаришься скоро. Придем, увидишь, с кем...

Пилсудский срывает свою злость на Литве.

— Отстань!—кричит он ей:—Чьим городом тебе прикажут быть, тому и будешь принадлежать. Прикажут тебе принадлежать Парагваю, будешь под Парагваем. Мне отдадут,—моей будешь.

Литва отходит, продолжая зубрить:

— Ковна — резиденция Литвы. Литва — резиденция кого прикажут. Вильна—главный город кого прикажут... Литва...

...У Эстонии наморщен лобик, а в глазах неразрешимая задача. У нее всего три солдатика и пять границ. Выходит по три пятых солдата на каждую границу. Как тут быть? Оставить две границы открытыми? Это-то, собственно, ничего. Кто нападет на маленького ребенка? Наоборот, если кто и „вторгнется“ через открытую границу, то, наверное, с добрыми намерениями: что-нибудь принесет, подарит что-нибудь.

Но детская гордость не может этого допустить. Самолюбие задето: у всех границы охраняются солдатами, а у Эстонии нет.

Как же все-таки быть? Разделить солдатиков на дробь и на каждой границе поставить $^3/_5$ солдата?.. Но у Эстонии солдатики тоже, ведь, живые и делить себя на дробь не позволят... Скорее они пожелают присоединиться к одному целому числу—к СССР.

— Давай... будем играть вместе!—обращается она к Финляндии и Латвии.

— Давай,—вяло говорит Латвия. Финляндия мрачно молчит. Ее молчание принимается, как знак согласия, но игра не вяжется.

Солдатики и в маленьких, как и в больших буржуазных странах, окончательно перестали быть оловянными, и все там чувствуют, что вот, вот они заявят:

— Будет... Не хотим, вообще, больше быть игрушками... Сами хотим поиграть, ну, хотя бы, вами, господа министры, президенты и короли...

У Литвы слипаются глаза, но она борется со сном. Она знает: стоит ей только задремать, как на своей постели уже не проснется. Проснется рядом с Белорусской Громадой в польском каземате...

Со стороны Румынии вдруг раздается старое, румынское:

— Эй, жги, жги, говори...

И жгут, заставляют говорить под пыткой. У Румынии свой взгляд на войну. Румынское правительство попросту об'являет войну своему народу и истребляет его.

— Есть хочется! — раздается голос Финляндии.

—И мне!—робко сознается Латвия.

— И мне...—вздыхает Эстония.

Польша поворачивается к ним и нерешительно утешает:

— Погодите, вот вернется Англия из Китая и всех накормит.

Детвора вздыхает. Когда еще вернется она, да и вернется ли?.. Уж очень она там завязла. Удастся ли вылезть?

Худо детворе, но и большим не лучше...

О. Л. Д'Ор

В ПРЕКРАСНОЙ ФРАНЦИИ

В Париже обнаружен воровской университет. Арестованы „профессора“, „студенты“ и „ценные пособия“.

Из хроники.

Рис. Б. Малаховского

— Ну, Жанчик, как подвигаются твои зачеты?
— Ничего, предварительное заключение мне зачли, но вот сидеть придется еще лет двенадцать.

МОЛЕНИЕ О ДАРОВАНИИ ПРАВ

В Арзамасском уезде монахи Дивеевского монастыря, преобразованного в сельскохозяйственное товарищество, избрали делегацию для посылки во ВЦИК с ходатайством о восстановлении монахов в правах гражданства.

Рис. М. Черемных

Да здравствует компартья! браво!
И наш монаший стан!
Мы молодая гвардья, право —
Славных христиан...

Ей богу же, не грех
Нам чуть побольше прав,
Чтоб сущим во гробех
Эх, живот даровав!

ОТ ВОРОТ—ПОВОРОТ...

Рис. В. Лебедева

— Почему наш директор начал вдруг нанимать не от ворот, а с биржи?
— Не иначе, что у него и там родственнички оказались!

РАССКАЗ БЕЗ КОНЦА

А сейчас, дорогие мои читатели, я покажу вам, как пишется настоящий рассказ без конца.

Накануне свадьбы старый и умный Нашатырь и К-° призывает к себе белобрысого сына, закрывает двери и солидно предлагает:

— Сядь и слушай о том, что вы с женой имеете получить от меня на свадьбу.

Долговязый сын заметно оживляется, но вежливо молчит, а старик, поблескивая серебром старинных очков, продолжает:

— Я мог бы, конечно, дать вам просто-напросто средства. Но я их вам не дам. Потому что со средствами вы получите в приданое и налоговый лист, а это — плохой подарок. Я мог бы вам дать и хорошую квартиру. Ну, так я и ее вам тоже не дам. Потому что с ней вместе вы имеете и управдома и червонец за метр и норму в десять процентов для ихних студентов. Я мог бы, наконец, дать вам одно дельцо на Смоленском. Но, наоборот, и его я тоже не дам...

Белобрысый сын тревожно моргает и пытается что-то сказать, но старик сердито обрывает:

— Сиди! Итак: ни квартиры, ни денег, ничего похожего. Но зато я даю вам настоящее наследство, настоящий потомственный майонез, как говорят в Польше, где у меня тоже пропало два дома и тетя с каратами. Смотри сюда.

И, кряхтя от усилий, старик вынимает из шкапа огромную пачку типографских гранок.

— Же... Желраба... Контора, Мясницкая, 3.. Телефон?.. — читает подняв изумленные брови сын, — мне странно, папаша, но... „Железопродукт?“ Никольская, 10. Ничего не пойму.

— Ты поймешь, — говорит старик, — ты поймe-ешь. Смотри в эту штуку!

В документе со штампами и печатями об'является строго и ясно для сведения всех желающих, что именно гражданину Нашатырю поручается Всеиздатом высокая честь собирать материал и содействовать выпуску всесоюзного кооперативно-мелиоративно - портативного „Справочника“ на 1922 текущий год.

— Папаша!—изумляется сын,—да ведь нынче уже 27... А договор устарелый! И при чем тут я с женой?

— Он не понял?!—поражается и отец,—у него в руках чистый хлеб, а он... Нет! Мне жаль его невесту!..

— Извиняюсь, папаша, — вежливо говорит сын,—я все понимаю. „Всеиздат“—это марка. И издание такого прекрасного справочника прямо клад всякому гражданину. Об'явления и процент, конечно, но...

— Ну?!

— Но ведь справочник-то начат, я вижу, давно... И как вы его не тяните, но ведь должен он кончиться?

— Что ты мне говоришь о конце? Он не кончится! Он не может кончиться, этот справочник! Слушай сюда. Все собрать—это надо год. А когда год кончается и пора издавать,—так ведь надо внести все поправки все перемены и все новые адреса? А! пока это делаешь,—так год кончился, средства затрачены и чтоб их вернуть, надо срочно пускать на ваш справочник уже на новый год... А пока ты его соберешь — снова будут поправки и опять новый год и опять вы тихо сидите и кушаете свой трудящийся хлеб! Понял?

— Папаша...—пересохшим от волнения горлом спрашивает сын,—а „Всеиздат?“ „Всеиздат“ чего смотрит?

— Смотреть его дело? — удивляется старик, — его дело платить! Всем. Сотрудникам. Мне. Конторе. Машинисткам и агентам. А теперь—тебе с женой, дай вам бог здоровья и внучат. А откажется продолжать — зря пропали все деньги за все за пять лет!

— Это феерия!—убежденно говорит сын.—Этого даже в балете не увидишь. Вы, папаша, алхимик и гений. Но...

— При чем но?

— Но ведь я в издательском деле ничего не понимаю...

— А я?—хихикает старикан и, торжественно взяв пачку гранок, говорит

— Благословляю. Множитесь и издавайтесь!

* * *

А двадцать лет спустя, накануне свадьбы, старый и умный Нашатырь и К° призывает к себе лысого сына, закрывает двери и . . . .

. . . .

Тут можно читать все сначала. Пока не выйдет справочник. А так как он выйти при этой же теме не может, то и рассказ никогда не кончится. О чем и сказано выше.

Леонид Саянский

ВОКРУГ ПЕРЕВЫБОРОВ

Рис. В. Козлинского

— Мань! А, Мань! Перевыборы у вас уже были?
— Были.
— Кого выставляли?
— Да троих выставили за хулиганство.

В ШКОЛЕ

— Скажите, Петров, как называются падающие на землю твердые тела небесного происхождения?

— Карнизы.

СРЕДИ „СТАРЫХ“ ЮНКОРОВ

— Давно это было то, что ты сейчас рассказываешь?

— Давно брат, еще тогда, когда Карл Маркс комсомольцем был.

НАШИ СПОРТСМЕНЫ

Рис. А. Радакова

Любимый конек танкобежца Пуанкаре.

Лыжи, которые англичане навострят, удирая из Китая...

Несмотря на довольно жаркий климат, американцы загибают жителям Никарагуа салазки...

Катание Чемберлена на тройке, которая, однако, его не вывезет...

СИЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

— Молчать!—говаривал директор Козолуповского городского банка Уродоналов,—молчать и не разговаривать! Кто здесь начальник? Уродоналоз здесь начальник! Кто здесь царь? —Уродоналов царь! Кто бог?—Уродоналов. Ясно.

Служащие банка ходили на цыпочках. Клиенты вообще старались не ходить.

— Что такое клиент? — Червь! Что такое бумажка?— Гранит! Какой гранит должен перегрызть клиент, чтобы получить ссуду?—Бумажный гранит.

Уродоналов заливался звонким детским смехом.

По спинам служащих пробегали противные холодные мурашки...

* * *

В дверь просунулось испуганное лицо курьера.

— Так что разрешите доложить — клиент просится. Шестой месяц, извините за выражение, приходит...

— А разве сегодня приемный день? — строго спросил Уродоналов.

— Так точно. Приемный-с. — прошептал курьер.

— Ну, значит, часы не приемные

— И часы, простите, приемные. Часы эти от трех часов пятидесяти шести минут до четырех часов пяти минут, а сейчас ровно четыре.

— А удостоверение от домкома у него есть?

— Как же-с.

— А свидетельство о благонадежности?

— Не извольте беспокоиться. Целых четыре.

— А свидетельство об оспопрививании небось нету?

— Есть. И из аптеки есть. Даже из пробирной палатки бумажку приволок.

— А к секретарю обращался?

— Обращался. Секретарь говорит, без вас невозможно.

— Наверное чего-нибудь да нету!

— Все бумажки есть. На извозчике привез.

— Ну пусть войдет.

Вошел человек.

— Я председатель жилищного кооператива, — сказал вошедший, — я хочу получить ссуду на предмет строительства.

— Может быть, вы еще чего-нибудь хотите?—нагло спросил Уродоналов.

— Больше ничего не хочу, — простодушно ответил человек.

— А я хочу!—загремел Уродоналов,—я хочу еще много больших бумаг с подписями, приложением печати и с установленным количеством гербовых марок.

— У меня есть много больших бумаг,—простонал человек,—с приложением печати и с марками

— А выписка из ЗАГС'а у вас есть? О женитьбе?

— Я холост.

— Тогда справку из ЗАГС'а о том, что вы не состоите в браке. Небось, нету?

— Нету.

— Ну вот, хе-хе-хе... Принесите справку.

— Но я уже не успею сегодня.

— Не беда. Придете месяца этак через полтора или лучше даже в начале будущего квартала... или в конце...

— Это волокита,—сказал человек фальцетом, —зачем эти формальности? .. Я протесту...

— Молчать! — крикнул Уродоналов, багровея. — Без доклада не входить! Не курить! Не плевать! Не сорить! Рукопожатия отменены! Обратитесь к секретарю!...

Он был страшен. Он был велик.

* * *

Уродоналов дочитал газету, в которой говорилось о необходимости борьбы с волокитой и бюрократизмом, и с'ежился. Потом немного подумал и улыбнулся широкой детской улыбкой.

— О, люди, люди! — промолвил он, — знаете ли вы, что такое че-ло-век? Нет, люди, не знаете вы, что такое человек. Человек — это сосуд, наполненный общественно-полезным элексиром. Человека нужно любить и уважать! К человеку нужно относиться с доверием.

По щеке Уродоналова скользнула большая желтая слеза.

В дверь просунулось испуганное лицо курьера.

— Так, что разрешите доложи...

— Милый!... — замахал руками Уродоналов. — Дорогой и многоуважаемый товарищ курьер, отныне докладов больше не существует. Идите и крикните на весь мир: „Люди! Уродоналов принимает без доклада!“

— Там вас спра...

— Бегу! Лечу!

Уродоналов вбежал в приемную и обнял посетителя:

— Голубчик! Милый! Входите! Входите! Гостем будете! Чаю? Пива? Шампанского?

— Шампанского. — сказал посетитель. — Я имею у вас получить ссуду. Мое торговое дело „Коопарфюмерия“ нуждается в маленьком заемчике!

— С восторгом! — воскликнул Уродоналов,—именно заемчик — Не извольте беспокоиться. В два счета.

— А я вам выдам векселек!

— Ну, что вы, милый? Какой там век... тьфу Мне даже противно выговорить это гнусное бюрократическое слово. Что такое человек? Это — сосуд! А вы говорите!.. Эх!..

Глаза Уродоналова засверкали высоким огнем вдохновения.

— Зачем эти бумаги, затянувшие бюрократической паутиной живых людей и живое дело? Зачем? Зачем эти бездушные деревянные штуки с резинкой, которых злые люди называют печатями? Зачем? .. О!... эта итальянская бухгалтерия — порождение фашизма. А рес-контро? Да это просто - контра! Ясно! А вы говорите ..

— Десять тысяч!—сказал посетитель.

— Получите

— Так векселя не надо?

— Упаси бог. К чему эта волокита? К чему эти формальности?

Посетитель положил большую пачку молочных червонцев в боковой карман и, весело насвистывая, вышел...

А Уродоналов сел за письменный стол и стал сочинять план реорганизации банковского дела.

* * *

Когда Уродоналова вели в суд, он говорил конвоирам:

— Милые! Человек — это сосуд, наполненный элексиром.— Зачем вы ведете меня по средине улицы? Зачем в ваших руках обнаженные шашки? Зачем эти формальности? К чему эта волокита?

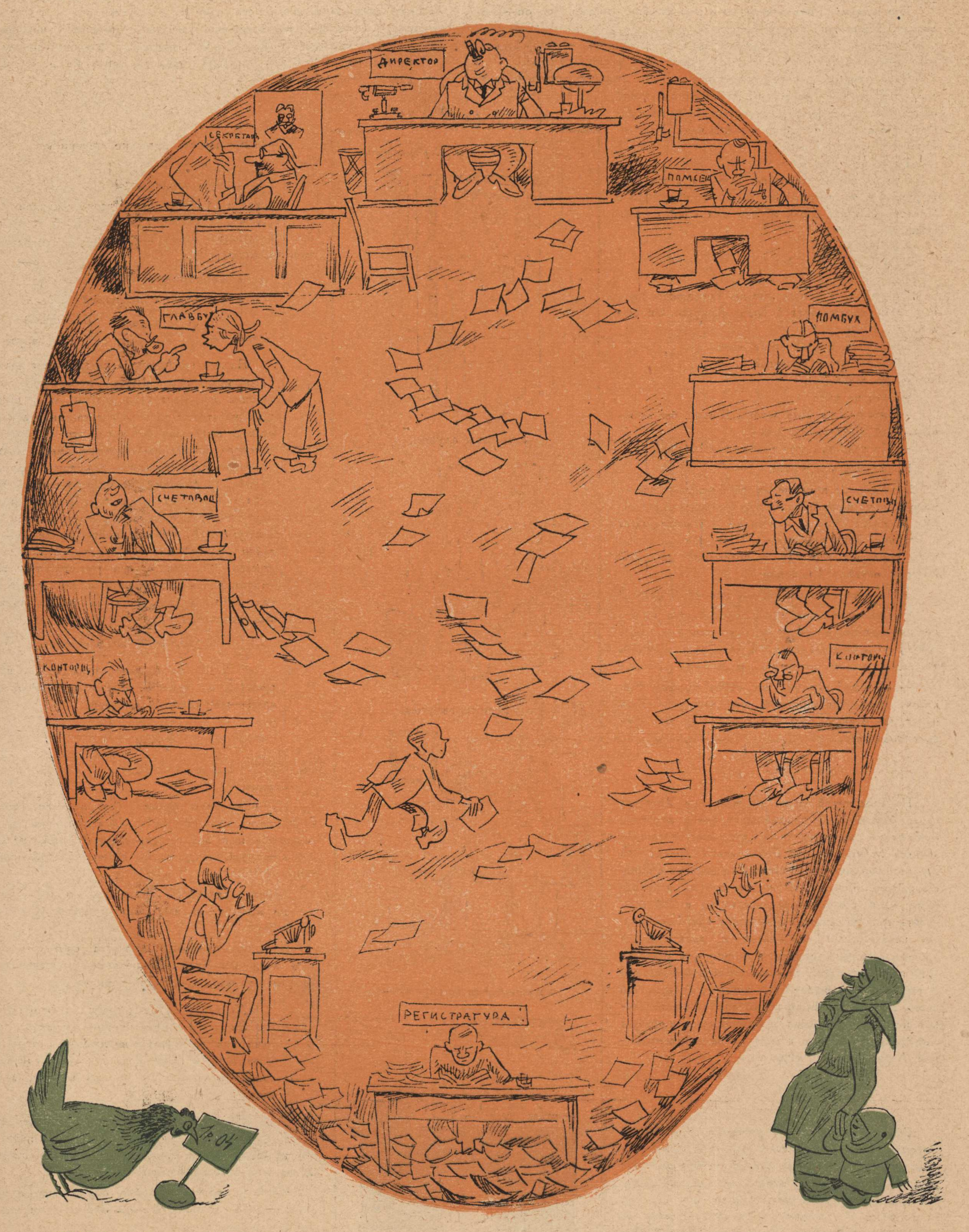
Евг. Петров

РОКОВЫЕ ЯЙЦА

Заготовленные Русавсторгом в г. Катайске 1500 яиц, благодаря величине аппарата, обошлись по 1 р. 04 коп. за штуку.

„Рабоче-Крестьянская Правда" (Шадринск).

Рис. Б. Антоновского

КУРИЦА:—Зря эта баба надеется на янчко, ежели оно уже питает целое учреждение! Куд-куд-куд-куда уж там!..

ДУЭЛЬ

Дело было в городе Нежине.

Родословная Аврутиса насчитывает одного брата в местхозе, другого брата с гемороем и третьего—безработного. Следовательно, речь идет о вполне трудовой семье с одним членом союза во главе при двух пособиях с биржи труда. Перебиться можно.

Что касается Рочковского, то о нем известно только, что он—фармацевт... Ничего не попишешь.

Теперь вспомним: у одного из братьев Аврутис — геморой, но.. визави—нежинская государственная аптека № 3 имени Семашко.

Член союза Абрам Аврутис стоит по одну сторону аптечного прилавка, а по другую—фармацевт Рочковский бережно отвешивает положенное количество драхм касторового масла. Тихо и плавно тикают часы. Тик-так Тик-так.

Вдруг!

Тут я прошу дорогого читателя взять себя в руки. В те тревожные дни я сам побывал в Нежине. И знаю, сколь трудно сохранить спокойствие.

* * *

Вдруг на крыльце аптеки появляется бледный, как смерть, другой Хаим Аврутис. Он едва дышит...

Мгновение, и брат возле него.

— Хаим, что случилось? Говори!

— Не н-н-а-до...

— Что не надо?

— Обошлось... Мне легче... Я сам... без лекарства...

— Но ведь там уже взвешивают! Идиот!

И... началась история.

В тот момент, когда через открытые двери аптеки прогремело: „идиот", фармацевт Рочковский вздрогнул и насторожился. Секунда—и пробка летит в сторону. Еще секунда—и с его багровеющего носа сползают все три с половиной диоптрии. Мертвая пауза... И наконец:

— Кто, милостивый сударь, идиот? Я идиот?!!

— Понимаете, вот дурак...—улыбается ничего не подозревающий Аврутис, и тут он сравнивает аптеку с бакалейной лавочкой, если, мол, брат мой обошелся без... то зачем же... не нужно... расхода...

— Молчать!—кричит не своим голосом Рочковский.—Не заговаривайте мне мои зубы! Если идиот, так я знаю, кого вы думали. Я член профессионального...

* * *

На следующий день на квартиру Аврутиса явился неизвестный гражданин с тремя золотыми пуговицами на выцветшей тужурке, отрекомендовался личным другом Рочковского. Заявил, что уполномочен довести до сведения Аврутиса о нижеследующем. Рочковский не кто-нибудь, а прежде всего член союза всемедикосантруд с 1922 года, билет—тридцать девять шестьдесят три. Во-вторых, он незаменимый специалист с дооктябрьским производственным стажем, а именно — с сентября 1917 года. В-третьих, он холостой молодой человек, и ему на всех наплевать, когда затронута его честь. Вот почему Рочковский при своем положении не потерпит обиды и оскорбления и требует сатисфакции пока что в виде письменного извинения. А дальше будет видно.

* * *

Обомлевший Аврутис, вместо того, чтоб рассказать толково. как было дело, тем более, что сама тревога оказалась ложной и без касторки все равно не обойтись,—вместо всего этого Аврутис немедленно засел за сатисфакцию. Он слишком много читал в молодости о поединках, чтобы не понять, кто подосланное Рочковским лицо. Секундант!

Тут уже мелькнула картина дуэли Пушкина с Лермонтовым, и так жалко стало вдруг Аврутису самого себя. Такой молодой, такой удачный...

Аврутис писал:

„Падет ли он, стрелой пронзенный,
„Иль мимо пролетит пистон".

— „Гражданин Рочковский! По переданным словам незнакомого мне студента, подосланного вами с вашей стороны, я со своей стороны никого не подсылаю к вашей стороне, а, наоборот, прошу извинение за „идиота", хотя каждый и каждому позволительно на улице или крыльце выражать устно по чьему-либо адресу свое мнение".

* * *

Ночь прошла сравнительно спокойно.

„А на утро
„Чуть зарница..."—

у постели Аврутиса снова стоял секундант.

На руках у студента в выцветшей тужурке было следующее отношение за номером и Советской печатью:

Наркомздрав УССР
Нежинская Госаптека № 3.

Исх. №188.

Гр. Аврутис.

Письмо гр. Аврутиса не выражает должного извинения, почему возвращает его высшая администрация аптеки № 3, стоящая на страже точного изготовления лекарства в интересах больного, что в момент такового поведения Аврутиса могло быть нарушено ответственным дежурным фармацевтом Рочковским, предлагает сегодня же не позже 6 часов вечера, т.-е. 18 часов, прислать форменное извинение по прилагаемому тексту: „Я, А. Аврутис, прошу извинение за слово „идиот" на ступеньках 3-й Государственной аптеки города Нежина, того же округа, как перед высшей администрацией, так и перед дежурящим в то же время тов. Рочковским.

Управляющий аптекой Ходос.

P. S. И не пишите „гражданин", ибо граждане в Черном море плывут. Рочковский—член союза и товарищ.

* * *

Сводка:

На нежинском фронте без перемен, хотя надвигаются грозовые тучи. Обмен нотами продолжается и в 3-й государственной аптеке не во что микстуры заворачивать. В местхозе тоже растрата

Аврутис разорился. По случаю окопной войны не выходит из домашних траншей. Службу забросил.

Последняя вылазка Аврутиса снова кончилась неудачно. Чтобы смилостивить противника, Аврутис отправил следующий меморандум:

„Товарищи администрация и фармацевты. За гражданинов ничего не скажу, я тоже как член союза не плаваю в Черном море, хотя и извиняюсь. Но будем считать вопрос исчерпанным: не вы идиоты, а я идиот".

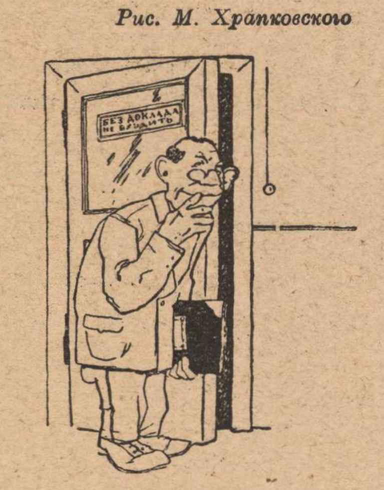
Увы! Когда управляющий аптекой дошел до места „а я идиот", он почему-то снова принял это на свой счет и передал. что в письменные! об'яснения! больше! входить! не!! намерен!

Читатель, трепещи. Война надвигается, и не с запада, а со стороны Нежина. Эти враги опаснее!

А. Аграновский

ЧЕЛОВЕК...

Рис. М. Храпковской

с тонким слухом,

с высоким голосом,

с приятными манерами —

не может не быть душой общества.

В ГЛУХОЙ ПРОВИНЦИИ

Рис. И. Каликина

— Я, милый, десять пудов соли закупил...
— Это почему же?
— А давеча по радио слыхал: „в ее исполнении не хватает соли".

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Слушайте... слушайте... слушайте... мать вашу так... говорит коминтерн... ха... ха... ха... ха...— Сволочи, отойди от аппарату, дай я гаркну...

Судя по сообщению ульяновского **„Прол. Пути"**, такой разговор можно слышать в настоящее время из передачи радиостанции Заволжья. Станция эта берет на себя задачу обслуживать радио-любителей Заволжья, а также ульяновских радиолюбителей.

Недаром в песне „Вниз по матушке по Волге" поется:

— Ничего в радио-волнах не видно...

Но зато слышно... чорт знает что! Чорт-то знает,—а вот заволжская прокуратура не знает!

* * *

В рассказе **С. Малашкина** „Навождение" (книга „Луна с правой стороны"), на стр. 130 читаем:

... Она не договорила, так как и она, и молодой человек, промычавший что-то невнятное, бросились в одно и то же время друг на друга и застыли в потрясающем поцелуе.

Все равно, как студень: застыл, а трясется!

* * *

А. Р. Кугель в своих воспоминаниях („Листья с дерева". 1926) дает характеристику небезызвестной в свое время писательницы Шабельской:

Несомненно, она была недюжинною женщиною... Она могла бы быть Эудокси Кукшиной в 60-х годах, Сонькой Золотой ручкой, агентом-провокатором... Могла бы прижить сорок дочерей от разных отцов.

Чего там сорок дочерей! Вали больше: сорок дочерей и восемь лошадей!

* * *

„Ясное утро"—

Так называется „первая книга для чтения", выпущенная Госиздатом. Надо отдать справедливость составителю книги: он мастерски исправлял произведения неопытных авторов.

Напр., у А. С. Пушкина было так:

... Как из царства воскового, из душистой келейки медовой, вылетает первая пчелка.

Составитель поправил:

... Как из **хозяйства** воскового, из душистой келейки... и т. д.

Заменил царство хозяйством и успокоился. А с келейкой как? А с „первой пчелкой"? Исправляем и дополняем:

... Как из хозяйства воскового, из бывшей душистой келейки монастыря, ныне занятого общежитием инвалидов, вылетает аэроплан авиахима, построенный на пожертвования жителей г. Демьяно-Бедновска (б. Спасска).

* * *

Иван Приблудный („Тополь на камне". Стихи. 1926 г., стр. 46) обращается к невесте:

Пусть простит, что песнями богатый
Не могу ей предложить в одном—
Ни руки большой и узловатой,
Ни любви под кровлей и с окном.

Думается, что невеста могла ему предложить только в одном: в русской грамматике.

Издатель—„ГУДОК". Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

Главлит 80969. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф", Мыльников п., 14. Тел. 4-88-39. Зак. 975. Тираж 100.000 экз.

НОВЫЕ СВЯТЫЕ

Рис. Ю. Ганфа

Св. Мать троеручица.

Св. Подвижница (по службе).

Св. Чудотворец Бухгалтерийский.

Св. Угодник.